

Грязнуля, вонючка, выродок, фу, гадость...

Под земляным насыпом по дороге из школы около двух десятков школьников с портфелями окружили плотным кольцом ребенка, лежащего в пыли. Они наперебой плевали в него, стараясь перекрыть друг друга самыми мерзкими и обидными словами.

Голоса звучали по-разному: одни пронзительно визжали, другие хрипели, у третьих, уже начавших взрослеть, голос срывался на фальцет. Но все они, еще по-детски нескладные, старались выплеснуть как можно больше злобы.

Наконец, устав, заводила — мальчишка постарше — рявкнул:

— Слышь, вонючая свинья, не дай бог увижу тебя завтра в классе. Пошли, ребята!

Толпа с победным гиканьем умчалась прочь.

Приближалась зима, холодало быстро, и сумерки сгущались с каждым днем всё раньше. Ребенок, лежавший на земле и притворявшийся мертвым, пошевелился и медленно приподнялся. Его лицо и одежда были в черной пыли, длинные волосы спутались, а на тонкой школьной форме засохли пятна чужих плевков. Он вытер рукавом лицо — то ли от слюней, то ли от слез — и, с трудом встав на ноги, принялся собирать разбросанные по земле книги и тетради.

Портфель оказался порван. Мальчик попытался застегнуть молнию, но та не поддавалась. Вздохнув, он закинул сумку на худые плечи и не спеша побрел домой.

Мимо него пробегали другие школьники, весело переговариваясь и предвкушая возвращение в свои теплые дома.

Поднявшись на дамбу, мальчик присел на край. Он безразлично смотрел на темнеющую реку, чьи холодные воды бесконечным потоком устремлялись в сторону горизонта, где застыли на приколе несколько судов.

Он обхватил колени руками, сжавшись в комок на ледяном ветру. Возвращаться домой, в тот дом, где его ждали только мачеха и сводный брат, ему совсем не хотелось — там было еще холоднее, чем на улице.

Мальчика звали Ань Сяолэ, он учился в шестом классе, и ему еще не исполнилось двенадцать. Его мать покончила с собой в прошлом году, а отец, вечно пропадавший в деловых поездках, практически не бывал дома. Родственники со стороны матери порвали с отцом всякие отношения после случившегося. Ань Сяолэ остался совсем один.

Едва остыло тело матери, как отец привел в дом мачеху, у которой уже был восьмилетний сын. История стара как мир и до боли банальна.

Сам отец не стал от этого счастливее. Семейный скандал, хоть и не преследовался по закону, ударил по его репутации и вызвал осуждение в обществе. Женщины, знавшие его, презирали его втайне, а мужчины, хоть и выражали сочувствие при встрече, за спиной лишь качали головами: мол, гулять на стороне — дело житейское, но умение сохранить первый брак — признак настоящего мужика.

В конце концов, гармония в семье — это показатель состоятельности мужчины.

Дела отца в этом году пошли под откос, он постоянно был на взводе, пропадал на работе. И женился он, скорее всего, не по большой любви, а чтобы поскорее залатать дыру в своей жизни и переложить на кого-то заботу о сыне.

Мачеха же возненавидела пасынка с первого дня. А когда в школе поползли слухи, что Ань Сяолэ — сын самоубийцы, учительница, любимица всех детей, сделала ему замечание, после чего большинство одноклассников решили подвергнуть его наказанию.

Небо окончательно почернело. Ань Сяолэ посмотрел на свои грязные руки, понюхал одежду и прошептал:

— И правда, воняет.

Надо помыться. Но если воспользоваться водонагревателем дома, мачеха снова начнет кричать. Впрочем, даже если он будет сидеть тише воды ниже травы, она все равно найдет повод для недовольства. Он посмотрел на реку. Его ясные черные глаза — единственное чистое, что в нем осталось — блеснули.

Сяолэ спустился к воде. Он подошел к самому краю, присел и протянул руки к реке. Ледяная вода обожгла кожу, он вскрикнул и отдернул пальцы, но желание смыть с себя грязь оказалось сильнее холода. Он снова опустил руки в воду и начал тереть их, пока они не онемели от мороза.

Грязные ладошки постепенно становились белыми и чистыми, тонкие пальцы казались изящными, как лепестки орхидеи.

Ань Сяолэ был очень красив: нежная кожа, тонкие черты лица, блестящие черные волосы, алые губы и ровные белые зубы. Он пошел в отца, только стал еще более совершенной версией.

Хотя кости уже ломило от холода, Сяолэ решил: он снимет одежду и окунется в реку целиком, чтобы отмыться дочи́ста. И одежду тоже постирает — на ней столько чужой слюны.

— Эй, малыш! — раздался сверху старческий голос. — Вылезай оттуда, опасно же!

Сяолэ поднял голову и увидел незнакомую старушку, которая с тревогой смотрела на него с дамбы.

— Чей ты будешь? Выходи, там глубоко, упадешь — не выберешься!

Обычная прохожая, добрая бабушка. Сяолэ улыбнулся, и на его грязном личике просияла добрая улыбка.

— Хорошо, бабушка, я понял! — послушно кивнул он и, подпрыгивая, побежал вверх по лестнице.

Старушка, увидев его, строго нахмурилась:

— Что же ты такой непослушный? Играешь один у воды, разве так можно? Родители небось с ума сходят.

— Бабушка, меня зовут Ань Сяолэ, я всё понял, — ответил он и, заметив у нее в руках пакет, предложил: — Давайте я помогу донести.

Старушка смягчилась и улыбнулась:

— Какой хороший мальчик.

Проводив старушку и выслушав напутствие поскорее идти домой ужинать, чтобы не волновать родителей, Сяолэ пообещал вернуться, но, как только она скрылась из виду, снова спустился к воде.

На этот раз он отошел подальше, туда, где за изгибом дамбы его никто не мог заметить. Дрожащими руками он быстро разделся, положил одежду рядом с портфелем и, набравшись смелости, шагнул в ледяную воду.

— А-а! — не сдержал он крика.

Было невыносимо холодно. Зубы стучали так, что он не мог их разжать. Онемевшими ногами он нащупал дно, борясь с желанием немедленно выскочить на берег. Он присел, стараясь оттереть грязь с тела. Набравшись мужества, Сяолэ задержал дыхание и окунул голову, пытаясь смыть пыль с волос.

От холода мысли путались, тело казалось невесомым. В какой-то момент он понял, что больше не чувствует дна под ногами. Он хотел поднять голову, но мышцы не слушались. Страх сковал его. Он начал медленно погружаться в воду, и сил сопротивляться не было. Воздух в легких закончился, и он, открыв рот, жадно вдохнул — но вместо воздуха в грудь хлынула ледяная вода.

Его словно разрывало изнутри. Он отчаянно забился, пытаясь выплыть, но перед глазами была лишь мутная темная вода. Он глотал ее литрами, и боль становилась невыносимой. Ему хотелось, чтобы всё это поскорее закончилось. Эти мгновения казались бесконечно дольше, чем все двенадцать лет его жизни — и счастливые, и горькие.

Когда он уже был на грани, он вдруг улыбнулся. Он увидел маму. Она тоже ушла из жизни в этой реке. Теперь она пришла за ним.

Мама улыбалась ему, и столько любви и нежности было в этом взгляде, что сердце Сяолэ затрепетало от восторга. В этот миг вся невыносимая боль сменилась невероятным блаженством. Никакой печали, никакой тревоги — только тепло и покой, окутывающие его, словно дурман. Он никогда не чувствовал ничего подобного — это было самое прекрасное ощущение на свете.

Ань Сяолэ почувствовал себя невероятно спокойно. Он осознал, что покидает свое тело и уходит вслед за мамой. Он знал, что она заберет его на небо, в то самое чудесное место, где его ждут радость и счастье.

<http://bllate.org/book/21214/2146893>